

ряд эстетик, присущих определенному народу и даже народам, которые были связаны с данной территорией. Это скорее всего какая-то фаза в ожившей истории художественной практики средиземноморских народов — фаза, которая была тесно связана с существованием между 330 и 1453 годами одной христианской, преимущественно греческой, империи».⁵ В современном советском византиноведении также раздаются голоса в поддержку идеи, что «под Византией следует понимать средиземноморский мир в широком смысле слова».⁶ Следовательно, византийская культура во многих отношениях составляет существенную часть средневековой истории южных и восточных славян, которые приняли участие в ее создании и развитии как в пределах империи, так и в своих собственных землях, попавших в сферу византийской культурной общности.

Большая проблема византийско-славянских культурных отношений может быть правильно и исчерпывающе решена только после рассмотрения ее отдельных сторон. Это предполагает уточнение путей византийского влияния на славян и носителей самого влияния. Говоря об участии славян в культурной жизни империи, необходимо рассмотреть вопрос о славянском населении в пределах империи, а также случаи более или менее продолжительного пребывания представителей славянских народов в культурных центрах Византии. Носителями византийского культурного влияния среди славян были люди из самой различной среды, светские и духовные лица, попавшие к славянам по разным причинам: ромеи, взятые в плен во время многочисленных войн, византийские миссионеры и представители высшего или низшего духовенства, направленные или самостоятельно прибывшие к славянам; бежавшие писатели, художники, строители, ремесленники, нашедшие прибежище и условия для работы в какой-либо славянской стране; призванные славянами мастера и ремесленники для строительных и иных работ. Насколько сложен этот вопрос, можно убедиться, например, на чрезвычайно интересных сведениях, приводимых Д. С. Лихачевым, об участии «греков» (в смысле византийцев) в строительстве и украшении храмов в русских областях в течение только семи десятилетий.⁷ Для южных славян, у которых сохранилось очень мало местных письменных средневековых памятников типа древнерусских летописей, с большим трудом могут быть указаны подобные сведения. У южных славян сами памятники строительства и изобразительного искусства говорят за себя, но, к сожалению, чаще всего без точного упоминания имени строителя или художника.

Одним из наиболее слабо изученных остается вопрос о центрах общения славян и византийцев. О раннем периоде средневековья данные очень расплывчаты и скудны, поэтому множество деталей остается неясным. О более позднем времени мы располагаем более богатыми и точными фактами, позволяющими установить крупные центры византийско-славянского общения: столица Царьград, второй по значению город империи Салоники, святогорские монастыри, Иерусалим и находящиеся там обители, возникавшие в некоторых областях Балканского полуострова в XIV в. общежития исихастов и, наконец, болгарская столица Тырново в период XIII—XIV вв. Во всех этих местах наряду с писателями и художниками византийцами в разные периоды работали и культурные деятели славянского происхождения — из южных и восточ-

⁵ А. Грабар. *La peinture byzantine*. Genève, 1953, стр. 31.

⁶ Ср.: Р. М. Жанполадян. Два стеклянных сосуда из Новогрудка. — *Византийский временник*, т. XIX М., 1961, стр. 171.

⁷ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи и учения второго южнославянского влияния в России. (IV Международный съезд славистов. Доклады). М., 1958, стр. 8—9.